

Лена точно знала, что большинство этих людей к ней прекрасно относятся, а некоторые даже искренне любят. Вот только зачем они принуждают ее к общению, да еще норовят потрогать?

Лене пять лет, она — племянница моей подруги Соньки, а люди — это гости ее родителей, родственники и друзья, собравшиеся на очередное семейное торжество.

Очень густые светлые волосы в коротком каре, большие серо-голубые глаза и вся эта ладная детская фигурка без малейших признаков пухлости вызывали у каждого взрослого умиление и желание погладить по головке и потискать. Когда Лену брали за ручку и заговаривали с ней, руку она выдергивала, пряталась за маму и молчала, не

отвечая на вопросы. Ребенок смотрелся букой.

— Не обращайтесь внимания, — говорила мама.

После того как дурацкие советы не бояться, дать ручку, поздороваться, а также тщетные попытки разговорить молчунью прекратились и гости начинали заниматься своим обычным делом — пить, есть, разговаривать и смеяться за большим столом, Лена наконец обрела покой. А с ним и возможность слушать, наблюдать и впитывать информацию, жадно впитывать. Девочке были безумно интересны все эти люди за столом и их взрослые разговоры. Она внимательно слушала, пытаясь осмыслить услышанное, и нисколько не тяготясь своим одиночеством в шумной

толпе. Напротив, если вдруг о ней вспоминали и она вновь на несколько минут становилась центром внимания — это была настоящая пытка. Родители старались аккуратно переменить тему, чтобы ребенка оставили в покое.

Ну ладно гости, которые заполнили квартиру, изменив почти до неузнаваемости привычную среду, бог с ними, они — явление временное. Но Аленка, как ее называли близкие, и в спокойной обстановке была не очень-то разговорчива. Когда просто приходила родная бабушка, сильно любившая внучку, или родная тетка, сестра отца Соня, от которой всегда веяло бесконечной доброжелательностью, девочка, чувствуя это, говорить с ними все равно не хотела, на вопросы отвечала

только «да» или «нет» и всячески избегала контакта. А уж с чужими и вовсе молчала. Разговаривала только с родителями и старшим братом. Правда, обе женщины, и бабушка, и тетя Соня, зная особенности Аленки, не очень то и настаивали на разговорах. Придут, поздороваются мимоходом, не ожидая ответа, и беседуют о своих делах с родителями, изредка поглядывая в ее сторону — мол, для всех рассказываю, и для тебя тоже. А с расспросами не приставали. Лена была им за это очень благодарна.

Что удивительно, на детской площадке Лена прекрасно общалась и со сверстниками, и с малышами. Не то чтобы щебетала там непрерывно, нет, она по-прежнему оставалась немногословной, но это не мешало ей обмениваться игрушками, кататься на парных качелях и каруселях с другими детьми. Конфликтов не возникало. Детям достаточно взгляда и жеста, чтобы понять друг друга, слов требуется минимум, и самое главное — у каждого свои детские заботы, никто не пытается сделать тебя центром внимания.

Родители Лены прекрасно знали, что девочка у них развивая, с головой у нее все в порядке и говорить она умеет не хуже других. Только не хочет. Тревожно было вот что: через два года в школу, а там ведь у доски надо отвечать, когда вызовут, хочешь не хочешь, а надо. И быть центром внимания всего класса при этом!

Опасения оказались напрасными. Вполне адекватный ребенок отвечал у доски, как любой другой ученик. Не сказать, чтобы Лена чувствовала себя уютно в этой позиции, но и трагедии никакой не было. Родители удивились и вздохнули с облегчением.

А секрет прост. Во-первых, это происходило со всеми, каждого рано или поздно вызывали к доске, а значит, она не была исключением. Во-вторых, и это еще важнее, она у доски не отвечала на вопросы о себе, а лишь рассказывала материал из учебника, вполне отвлеченный и лично к ней не имеющий прямого отношения.

Близким было понятно, что Лена растет настоящим интровертом. Такой и выросла. Деление это на людские психотипы, интровертов и экстравертов, весьма условное. В каждом из нас присутствуют черты обоих в большей или меньшей степени. Но Сонькина племянница — интроверт конченный. Как человек-амфибия у Беляева, который вполне дружелюбно и с большим интересом общался с людьми на суше и к вечеру обязательно нырял в море и дышал жабрами, так и Аленка после целого дня общения с людьми непременно должна нырнуть в себя, уйти на глубину и побыть в одиночестве, иначе просто задыхаться начнет. «Ихтиандр в юбке», — называет ее Сонька.

Вообще интроверты, которые мало говорят, тем более о себе, и много думают — очень приятные в общении люди, прекрасные собеседники. Они умеют слушать. Слушать, не перебивая, с искренней заинтересованностью. Ценное и редкое качество. А если уж дадут совет по вашей проблеме, то, скорее всего, он окажется дельным, не только что на эмоциях родившимся, а глубоко обдуманном.

Так что к Аленке в любом коллективе относились хорошо, великодушно прощая излишнюю скрытность ее характера как отличительную особенность.

В школе она училась средне. Старший брат Алексей, увле-

кавшийся историей, легко поступил в пединститут на исторический факультет, а на Лену родители особых надежд не возлагали. Кем бы ни стала, лишь бы счастлива была. Может, на парикмахера выучится...

Семейные разговоры на эту тему, долетавшие до слуха Аленки, ее не радовали. В год окончания школы она заявила, что будет поступать туда же, где учится брат. Историю она любила. И брата любила. Другие предметы давались тяжелее.

— Ну что ж, попробуй, — был ответ родителей. — Провалишься — ничего страшного, в армию тебе не идти.

И она поступила. С первого раза. Невзирая на не самый высокий балл в аттестате и тот факт, что мальчиков в пединститут брали с распространеными объятиями по причине их дефицита, а среди девочек был приличный конкурс.

Началась взрослая жизнь, в которой Лена еще долго оставалась ребенком. Чистая душа, отзывчивая к чужим страданиям, она снискала расположение окружавших ее сверстников, но к себе вглубь так никого и не впустила. В студенческую пору в юных не столько умах, сколько телах страсти кипят нешуточные. Те из девочек, кто проявил должное уважение к Аленкиной закрытости, обрели роскошную «жилетку», в которую можно поплакаться от души, найти понимание и утешение. После бурных односторонних излияний следовал вопрос:

— А у тебя-то как?

— Да ничего. Нормально, — так был обычный ответ Лены.

И хотя подобная дружба может показаться односторонней, но для более раскрепощенной стороны общение с Леной было настоящим подарком. И дело тут не толь-

ко в умении выслушать собеседника. Дружить Аленка умеет не хуже, чем слушать. Впрочем, глагол «умеет», ассоциирующийся с неким мастерством, здесь вряд ли подходит. Это, скорее, свойство души. Девочка наша и постороннему посылную помощь окажет, мимо не пройдет, а уж для близкого человека в лепешку расшибется, даже в ущерб себе. Несколько искренних слов благодарности в ответ — все, что ей нужно для восстановления потраченной энергии. Она не станет считать, кто, кому и сколько раз помог, она вам или вы ей, просто откликнется в нужное время на вашу беду и будет счастлива тем, что смогла быть полезной.

Подруга моя Сонечка обожает свою племянницу и готова прийти на помощь Аленке в любой момент. Вот только моменты такие выдаются нечасто. Не потому что у Лены в жизни все гладко и без проблем. Просто не любит она никого своими проблемами нагружать. По мелочам и во все никогда не потревожит, а в большом... это ее еще разговорить надо. Одно слово — интроверт.

Соня же Аленкиной добротой пользовалась неоднократно. Однажды летом Соня подхватила где-то мощный вирус. Лежит она с температурой 39,2, муж на даче, сын с семьей за границей отдыхает, дома — шаром покати, поскольку Сонька на выходные тоже к мужу на дачу всякий раз езжает, а для себя одной и не готовит ничего. Пришел врач, сказал: обильное питье, легкая пища и противовирусные препараты. Мужу Сонька приезжать запретила, хоть он и рвался, — пожилой человек, не дай бог ему этим вирусом заразиться. Доплелась Соня кое-как на кухню, чаю с лимоном себе сделала. В холодильнике нашлись

два яйца, но есть не хотелось, легла. В раздумьях, кому позвонить, она уснула, а во сне человек быстрее выздоравливает. Вариантов позвонить подругам у Сони было несколько, в том числе мне, каждая приехала бы и привезла все необходимое. Но всем нам она в итоге предпочла Аленку. Повторяю, приехала бы каждая, бросив все свои дела, но только Лена умеет это сделать так, как будто никаких дел она ради тебя и не бросала, как будто ей это ничего не стоило. Вечером Сонька получила из рук племянницы курицу, хлеб и таблетки. В дом ее, конечно же, не пустила, чтоб не заразить, дверь слегка приоткрыла, все забрала и с воздушным поцелуем отправила домой. Бульон из той курицы Соньку за два дня на ноги поставил.

Справедливости ради упомяну, что живет Лена в пешей доступности от тети Сони, два двора пройти надо. Но поверьте, эта девочка примчалась бы и с другого конца города. Не только у Сониного сына, но и у Аленки хранятся запасные ключи от ее квартиры. И когда, улетающая с мужем за границу на отдых, Сонька уже в аэропорту вдруг засомневалась, а выключила ли она утюг после глажки вещей, уложенных в чемодан, кто пошел проверять ее сомнения? Аленка, конечно. Но это такая малость по сравнению с происшествием, случившимся однажды зимой.

У Сониного мужа Александра в последние годы стало сильно слабеть зрение. Удаление катаракты мало что изменило, виной всему оказались проблемы с сетчаткой, которая, увы, в таком состоянии, что «ремонт» не подлежит. Однако от автомобиля, который Александр водит уже полвека, он пока не отказался.

Сказал: «Пока людей и машины на дороге вижу, буду ездить». Читать он уже практически не мог, перешел на аудиокнижки, а записки Соня ему пишет огромными буквами толстым фломастером.

В декабре руководство на Сониной работе решило устроить новогодний корпоратив с выездом за город. Забрались в глушь, где катались на снегоходах, стреляли из ружья по тарелочкам, на лошадках покатались. Далее предполагался банкет.

И вот стоит Соня возле инструктора с тяжеленным ружьем в руках, и тут у нее звонит телефон.

— Сонечка, — слышит она голос мужа в трубке, — я тут в аварию попал небольшую...

— Ты цел? Никто не пострадал? Где это произошло?

— Никто не пострадал, все произошло в нашем дворе на малой скорости. Вот только тут надо бумаги заполнять, схему происшествия рисовать, а я ничего не вижу...

Положив трубку, Соня стала лихорадочно соображать, как помочь мужу. Тридцать лет он был ее опорой и морально, и физически, она понимала, как тяжело он переживает свою нынешнюю частичную беспомощность. К мужу Сонька всегда относилась трепетно и с уважением, а теперь пришла пора и ей становиться ему опорой.

Соня готова была немедленно бросить все развлечения и бежать искать машину, на которой можно отсюда выбраться. Вот только часа через три, когда она доберется до своего двора, все разбирательства с автоинспектором будут давно закончены. Что же делать, как помочь? И тут ее осенило: Аленка! Вот кто через десять минут будет на месте происшествия. «Господи, только бы дома оказалась», — думала Соня, судорожно тыкая в экран телефона.

Лена оказалась дома. Тут же оделась и побежала в Сонин двор. Сначала она успокоила дядю Сашу, который не считал себя виновным в аварии, в отличие от противной стороны, утверждавшей обратное. Ситуация была спорная, и бойкая дама, второй участник аварии, активно убеждала инспектора как раз в своей невиновности. Аленка заполнила все необходимые документы, вежливо пообщалась с представителем власти, проводила взволнованного дядю Сашу домой. И что вы думаете? Вину в итоге признали обоюдно. Если б не Лена, пришлось бы им еще и ремонт чужой машины оплачивать. Получив отчет об исчерпанном инциденте, Соня с облегчением отправилась с коллегами за праздничный стол.

Но это еще не самый удивительный поступок Сониной племянницы. То была прямая и действенная помощь близким, на которую способны многие уважающие себя люди. В другой раз Аленка превзошла себя, оказав любимой тетке бесценную моральную поддержку.

Есть у Сони одна родственница, формально дальняя, двоюродная сестра отца, а в действительности — близкий друг. Нина старше Сони лет на восемь, и так уж жизнь повернулась, что они крепко дружат. Нина и ее дети — это, собственно, вся родня, которая у Соньки осталась от папы. Нина живет далеко за городом, машину не водит, общественным транспортом пользуется и велосипедом. А Сонька моя уже тридцать лет за рулем, причем днем и ночью, зимой и летом. Машину водить обожает, ездит на ней и на работу, и на дачу, и в магазин, и в театр, и в гости. В гостях лучше от вина откажется, зато доберется с комфортом. Брат у Сони —

такой же безумный автомобилист, и дочь Аленку в своем духе взрастил, с ранней юности она машину водит.

Но это, как пел незабвенный Высоцкий, — «только присказка, сказка впереди». Вернемся к Нине. Человек она необычайно деликатный, бестактного вопроса никогда не задаст и своими проблемами нагружать никого не любит. Тоже, кстати, интроверт тот еще. А тут такая история случилась, что у подруги ее Татьяны мужа из больницы выписывают. Люди они пожилые, детей нет, а ехать надо через весь город на метро да на автобусах. Слаб он еще для таких вояжей.

Соня без вопросов и с радостью взяла бы на себя эту миссию, отвезла бы их на машине из больницы домой, тем более что с Татьяной она знакома, пару раз пересекались. А уж что касается Нины, то отказать ей Сонька никак не могла, слишком редко Нинуля ее о чем-нибудь просила.

Как на грех, выписка предстояла в субботу, а в воскресенье рано утром Соня с мужем улетали в отпуск. «Господи, — подумала Сонька, — как некстати. Вещи не поглажены, чемодан не собран, сама вся взмыленная и неухоженная, каждый час на завтра распisan. Как же я все успею?» Подумала — и сама устыдилась своих мыслей. «Человек только что из больницы, а я о своем педикюре думаю! Отвезу обязательно», — решила она.

Последний день перед отпуском на работе всегда тяжелый — надо все хвосты подчистить, все дела передать коллегам, ничего не забыть. Вернувшись вечером домой, Сонька без сил рухнула на кровать и лежала в прострации, стараясь не думать о завтрашнем сумасшедшем дне поездки и сборов. Потом рука ее

потянулась к телефону, и она как-то робко набрала номер племянницы.

- Привет! Это я.
- Привет!
- Скажи, у тебя на завтрашнее утро какие планы?
- Да разные. Ты говори, что делать нужно.
- Помнишь Нину мою?
- Тетю Нину? Помню.

Тут важно понимать, что за свою жизнь Аленка раза три Нину видела, а о существовании ее подруг и их мужей вовсе не подзревала. То есть просьба, с которой намеревалась обратиться Соня к племяннице, мягко говоря, была не совсем уместна.

— Понимаешь, — продолжала Соня, — тут такое дело... У Нины есть подруга близкая Татьяна, и ее мужа завтра из больницы выпишывают, а забрать некому. Он старенький совсем, и Нине я отказать не могла, согласилась. А у меня завтра последний день перед отъездом, не знаю, как все успеть. Я и подумала: может, ты сможешь меня подменить и метнешься на машине туда-обратно?

— Да без проблем, — ответила Лена. — Доставим в лучшем виде. Давай адреса, пароли, явки.

Господи, она еще и шутила! Почувствовав, что тетке страшно неловко ее обременять, мгновенно разрядила обстановку.

Мало кто из Сониных подруг, доложу я вам, откликнулся бы на подобную просьбу. У всех в субботу свои дела и планы, накопившиеся за неделю. Скорее всего, Сонька услышала бы в ответ примерно следующее: «Сонь, ну извини, если б тебя или твоего Сашу надо было из больницы забрать, — это один разговор, тут без вопросов, а то муж какой-то Татьяны, подруги какой-то Нины... Прости, у нас завтра дел по горло, весь день забит».

Какие планы на тот день пришлось отменить Лене, история умалчивает. А начни ее расспрашивать, так выяснится, что и планов-то никаких особых не было. Такая вот девочка выросла.

По окончании института Лена пошла работать не в школу, а в юридическую компанию офис-менеджером. Мама через знакомых подыскала ей это место, полагая, что там и люди приличные, и зарплата должна быть повыше, чем в школе. Лена возражать не стала, но через год, освоившись окончательно с документооборотом и другими обязанностями, приняла неожиданное решение. Документы, чай-кофе, телефон — разве ради этого она пять лет отучилась в институте и получила диплом педагога? Не оставляя прежней работы, Лена взяла в школе часы по истории на субботу с полной нагрузкой, и в течение четырех последующих лет все свои субботы она проработала школьным учителем.

Внешне Лена выросла в привлекательную девушку, высокую и стройную, с теми же большими серо-голубыми глазами на очень приятном лице и роскошными густыми волосами. Но личная жизнь не заладилась. Не вынося пустого трепя, как всякий интроверт, Аленка никогда не была тусовщицей. Большие скопления посторонних людей ее тоже не радовали. И только ближнему кругу посчастливилось оценить ее потрясающее чувство юмора и способность к глубокому анализу. Страстность ее натуры была скрыта от посторонних глаз под такой толщей глубин морских, что разглядеть эту жемчужину мог только пронзительный взгляд очень опытного мужчины. И такие мужчины нашлись. Не среди двадцатилетних ровесников, разумеется, падких на бойких

девчонок в блестящей обертке. То были пожившие и поподавшие мужчины постарше.

Как сильно она обожглась, знает только сама Лена. Интроверты таких вещей не рассказывают. Главное — в стерву не превратилась, личность свою не разрушила. Светлый человек, она по-прежнему отзывалась на всякое движение дорогих ей людей тончайшим камертоном.

Печально, но факт: мало кому удается встретить свою настоящую половину. Объединившись в пару, создав семью, люди стараются сохранить ее даже на фоне горьких разочарований. Вполне оправданная защитная реакция: не всякий готов разрушить свое гнездо ради призрачных новых очарований, тем более если есть дети.

Лена, которая слишком умна для того, чтобы лукавить с собой и заниматься самообманом, и слишком благородна для того, чтобы разрушить чью-то жизнь в своих интересах, понимала, что рискует остаться одна. К тридцати годам семьи еще не было. Где ж его взять, такого, чтоб совпадали, как пазл, чтоб срастись можно было?

Сонька переживала за племянницу ужасно. Все спрашивала: ну неужели ни одного достойного мужика вокруг не наблюдается? Лена как-то раз процитировала ей Зинаиду Гиппиус: «Если надо объяснять, то не надо объяснять».

— Ах вот оно что! — расшумелась Соня из лучших побуждений. — Хочешь, чтобы тебя с полуслова, с полувзгляда понимали? А ты попробуй объяснить. Может, человек поймет? Так на любом можно сразу крест поставить. А ты потрудись, потрать душевные силы. Человеку для того вторая сигналь-

ная система и дана, чтобы он мог объясняться с себе подобными.

— Вот именно, с себе подобными, — парировала Лена.

Соня, конечно, прекрасно понимала, о чем идет речь. Не стоит общаться с людьми, находящимися в иной плоскости душевного общения, взаимопонимания там ждать не приходится. А на Аленку нападала от отчаяния, в тщетной попытке помочь ей разглядеть вокруг себя того человека, которого нельзя пропустить.

Как гласит русская пословица, «выйти замуж не напасть, замужем бы не пропасть». Лена связала себя узами брака в тридцать один год. Вышла по любви. Нашелся наконец человек, который смог заставить ее поверить, что их место рядом друг с другом. Свадьбы не было. Этого кошмара с поцелуями на публике и всеобщим обозрением в течение нескольких часов она бы не вынесла, а он и не настаивал. Было счастье. Это читалось на их сияющих лицах. Аленка родила двух чудесных мальчиков, славных, умненьких, симпатичных и очень разных по характеру.

Сложился ли пазл? Позволю себе в этом усомниться. А вы когда-нибудь видели такое, чтобы сразу встык, по всем изгибам и нюансам? Таких заготовок в жизни не бывает.

И все же пазлы иногда складываются, хоть редко и не сразу. Фигурально выражаясь, чем крепче объятия, тем быстрее изгибы приобретут форму второй половины. Мы ведь живые, а не из картона. Случится ли слияние или вы будете всю жизнь натывать на чужеродные выступы, от внешних обстоятельств практически не зависит. Злая теща, безденежье, неустроенный быт — это пустое. Все внутри нас.

Только сила и глубина наших чувств, сила желания быть вместе, готовность понимать, откликаться тонкой настройкой, убирая ненужные выступы, поможет с годами приблизиться к достижению гармонии.

И если дорогой вам человек — интроверт, как Аленка, то будьте особенно внимательны. А то нырнет она в свои глубины, и вы никогда не узнаете, как сильно ее обидели, потому что под водой слез не видно. Она будет долго

терпеть и даже попытается объяснить, а потом умолкнет, потому что не выносит скандалов. И станет нырять все чаще, чтобы подышать своими «жабрами». Тут уж ничего не поделаешь.

Берегите ваших интровертов.

г. Москва

